

Обиходный чешский язык в литературных текстах XVIII и XX вв.

Кириллов Юрий Владимирович

студент

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: matrix2001@mail.ru

Проникновение так называемого обиходно-разговорного чешского языка (*obecná čeština*, далее ОЧЯ) в произведения современной художественной литературы в течение уже ряда десятилетий констатировалось и по-разному комментировалось многочисленными исследователями. Этот процесс, продолжающийся с конца XIX в. вплоть до наших дней, можно назвать эволюционирующим. Поворотный этап в нем наступил в середине XX в., как это точно формулирует выдающийся чешский лингвист Александр Стих в статье [Stich, 1975: 216]: „Obecná čeština se stala pro naše umělecké tvůrce velkým objevem někdy od poloviny 50. let. Do té doby zůstávala v umělecké literatuře jevem víceméně periferním (nehledíme-li k výjimečným případům, jako je Haškův Švejk); sloužila, pokud se jí užilo, většinou jen jako prostředek vnější, sociální charakteristiky, ojediněle se objevila i jako jazykový nástroj estetického experimentu (v několika drobných prózách z posledního tvůrčího období V. Vančury)“.

Со второй половины XX в. в чешской литературе появляются авторы (такие, как О. Павел или Л. Ромпортлова), чьи тексты уже насквозь проникнуты элементами ОЧЯ на всех языковых уровнях, причем их использование не служит средством речевой характеристики того или иного персонажа «из народа», так как подобным языком здесь изъясняются все персонажи, а также сам повествователь, который иногда совпадает с главным героем. Впрочем, А. Стих в вышеупомянутой статье, содержащей детальный лингвостилистический анализ творчества О. Павела, обращает внимание на непоследовательность использования писателем отдельных маркеров ОЧЯ, которые часто даже в рамках одного предложения соседствуют со строго литературными формами, например: *Měl už mého chlubitěho povídání plné zuby a začínal jsem mu být zase protivnej; Takový masek v mém rybníce... Na takovýho velkýho kapra jsi moc malej.* В таком употреблении элементов ОЧЯ А. Стих усматривает далеко идущую художественную стилизацию естественной живой речи, которая, однако, не означает, что автор пишет на ОЧЯ.

Новый этап экспансии ОЧЯ открывает творчество некоторых современных писателей-постмодернистов. В коллективной монографии «Чешский язык на рубеже тысячелетий» С. Чмейркова, словно развивая размышления А. Стиха применительно к художественной литературе последнего времени, так характеризует функционирование в ней ОЧЯ: „Obecná čeština bývala příznačná jen pro řeč některých literárních postav. Charakterizovala jejich sociální původ, profesi a statut. Současná próza <...> dokáže zcela zrušit rozdíl mezi řečí autorskou a řečí postav a spolu s tím i formální hranice mezi větou uvozovací a následnou přímou nebo polopřímou řečí literárních hrdinů“ [Čmejrková, 1997: 123]. Подробно анализируя произведения Я. Топола, в первую очередь его роман «Сестра» (*Sestra*), исследовательница в особенности подчеркивает, что в нем повествователь декларативно создает свой язык, который описывает как „živej, tajnej a otevřenej“, и при этом главную роль играет «небывало широкое употребление обиходного языка», из глубин которого «всплывают отдельные литературные формы и более или менее обширные островки литературности».

Еще дальше идет П. Гулова в романе «Сквозь тусклое стекло» (*Přes matný sklo*), в котором нет нарочитой языковой игры, как у Я. Топола. По словам самой П. Гуловой, она намеренно писала так, как говорят, поэтому в ее романе присутствуют почти все типичные маркеры ОЧЯ: литературным гласным *é* и *í* (орфографически *y*) соответствуют *í* и *ej*, наблюдается упрощение групп согласных, в частности, утрата конечного *-l* после согласных в формах причастий прошедшего времени, в *lsg* всех склоняемых частей речи выступает окончание *-ma*, происходит унификация флексий прилагательных в *Npl*. Писательница сознательно избегала только употребления протетического *v* у слов и корней, начинающихся на *o-*, воспринимаемого как вульгарное.

Если допустить, что некоторые современные чешские авторы пишут не просто на некоем стилизованном идиоме, а совершенно естественно на том же языке, на котором говорят, т.е. по большей части на ОЧЯ (при этом хорошо владея и пользуясь также литературной нормой), возникает вопрос: не повторяется ли на новом витке развития более ранняя ситуация конца XVIII в., т.е. периода, предшествующего кодификации литературного чешского языка Й. Добровским? Изучение текстов таких сочинителей XVIII в., как К. Хоценский, Й. Церегетти и др.¹, показывает, что авторы того времени также писали в основном на том языке, на котором говорили сами, хотя в определенных случаях ориентировались на архаичный для них язык XVI в. как на некоторый литературный образец (зачастую это связано с непосредственным цитированием старых книг). При всей условности такого сопоставления кажется уместным сделать вывод о том, что мы имеем дело с двумя довольно похожими ситуациями в истории чешского языка. В обоих случаях прослеживается закономерный этап сближения языка художественной литературы с живым естественным языком. Разумеется, это не дает оснований утверждать, что современный чешский литературный язык уступает место ОЧЯ (хотя явная демократизация литературной нормы в том числе под воздействием ОЧЯ все же наблюдается). Равным образом нет оснований однозначно утверждать, что язык чешской литературы XVIII в., близкий обиходному, мог бы лечь в основу нового кодифицированного языка, однако нельзя и категорически отрицать подобную возможность.

Литература

Berger T. Užívání češtiny jako úředního jazyka v druhé polovině 18. století na příkladě města Chrudimě // Sborník příspěvků ze symposia konaného 27.-29.5.1999. Rychnov nad Kněžnou, 1999. S. 43-78.

Čmejrková S. Jazyk literatury // Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997.

Stich A. K obecné češtině v současné krásné próze (Ota Pavel) // Naše řeč. 1975. № 58. S. 215-223.

Кириллов Ю.В. Город Хрудим как один из центров литературного чешского языка докодификационного периода // Материалы XIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Т. III. М., 2006. С. 134-136.

¹ О языке названных авторов см. [Berger, 1999], [Кириллов, 2006].